

ЭРЯМО ПАРЬ – ЭТНООПРЕДЕЛЯЮЩИЙ КОМПОНЕНТ МОРДОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Н. В. РЯБОВ,

*кандидат исторических наук, доцент кафедры традиционной мордовской культуры и современного искусства
ФГБОУ ВПО «МГУ им. Н. П. Огарёва»
(г. Саранск, РФ)*

Каждое поколение людей, проявив творческое умение и создав огромное количество функционально значимых и одновременно художественных по форме предметов, оставило глубокий след в истории своего этноса. Обогадив его такими памятниками народной культуры, наши предки создали традиции, свидетельствующие о преемственности мастерства. Сложно определить, что первоначально в них ценилось: их функциональные качества, востребованность для утилитарного потребления или символическая значимость для обрядовых (культовых) действий, где сам предмет мог являться и действующим лицом, и объектом поклонения.

У любого народа найдется предмет, который отмечен в культурных традициях как этноопределяющий. Его функция связана с бытовым предназначением, но внутреннее содержание наполнено символами, священными для этноса.

Бытовое искусство как сложный результат крестьянского труда, совершенствования технологических процессов содержит временные напластования коллективной деятельности ушедших поколений. По глубокому убеждению исследователя крестьянского творчества В. С. Воронова, искусство «всегда сохраняет в себе огромную плодотворную и неумирающую энергию воздействия на индивидуальность и всегда является ей примером величия и силы подлинно-художественного творчества» [2, 31].

Предметно-вещевой комплекс древней мордвы с его внутренней духов-

ной содержательностью и сакральной значимостью, созданный многими поколениями, является опорной точкой изучения исторических процессов. В материальной культуре эрзян длительное время особенно почитался *эрямо парь* – вид кадушки, исполняющий функцию свадебного сундука невесты. Иногда его именовали «одирвань (невестин) парь». На основе исследований, проведенных в 70-х гг. прошлого века ученым В. Н. Мартьяновым, мы предполагаем, что в качестве предмета, предназначенного для приданого, такая кадушка использовалась с середины XVIII в. Делали парь из дуплистой липы (по мордовским поверьям, «чистого» дерева), его высота была 60–90 см, диаметр – 40–70 см, толщина стенок достигала 1–4 см [4, 8]. Обычно он «изготавливался отцом девушки или старшим братом к моменту свадьбы, а в некоторых местах (в Саранском уезде) – покупался перед свадьбой свекром» [3, 182]. Размер паря говорил о благосостоянии невесты.

Изготовление паря ничем не отличалось от процесса создания остальных предметов домашней утвари. Из одного дерева делали, как правило, две-три кадушки. Его сердцевину удаляли при помощи специальных инструментов. Дно кадушки вставляли в утор, верх закрывали крышкой, конструкция которой была не везде одинакова [4, 8]. Такие долбленные изделия разного размера имели утилитарное назначение. Например, была кадушка для муки – *почфтонь парь* (м.),

почтось парь (э.), теста – *шапакс парь* (м.), *чапакс парь* (э.), браги – *поза парь* (м., э.), соли – *сал парь* (м., э.), сбивания масла – *пихтембарь* (м.), *пифтембарь* (э.), *пивтембарь* (э.), для обгоревших лучин – *тикишпарь* (м.) и т. п. [6, 117]. Орнаментальной обработке они не подвергались, в отличие от эрямо паря, который имел сакральное значение и, по всей видимости, символизировал часть мирового древа. Считалось, что невеста вместе с сундуком увозит не только память о безбедной жизни в родительском доме, но и свое будущее женское счастье. Отсюда понятно его название: *эрямо* – «для жизни», *парь* – «кадушка». Вещи девушки складывали в парь с соблюдением всех магических обрядов, обычно в сенях. Делать это в избе считалось недопустимым, иначе брак будет недолговечным. На потолке мордовской избы находилась земля, и, по поверью, между «двумя землями» можно собирать вещи только покойников [3, 182].

Невеста очень трепетно относилась к эрямо парю – хранилищу своего счастья. В тот момент, когда близкая родственница собиралась открыть его и начать укладывать приданое, девушка начинала причитывать «вайгель максы» (э.), тревожась о том, что может быть нарушено его сакральное пространство, оберегаемое знаками и орнаментом. Словно в театрализованном представлении, вокруг эрямо паря разворачивалось действие, определявшее не только успешность свадьбы, но и ритм всей предстоящей жизни молодой семьи, патриархальной общины.

Эрямо парь как предмет ритуального предназначения в верхней части покрывали орнаментом, магическими письменами, родовыми знаками, связанными с пожеланиями благополучного замужества, богатства, плодородия. Ритмичность, логическая стройность и упорядоченность кружевных узоров подчеркивали осмысленность жизни человека в семье. Многие ученые уделяли пристальное внимание этой орнаментации. Так, исследователь эрзянской куль-

туры, краевед Н. И. Аношкин предлагает свои варианты расшифровки символов и знаков. По его мнению, даже в древности люди составляли календари и аграрные таблицы, верили в магию чисел. Это отражено в народной графике, вышивке (например, «эрзянская звездочка» символизирует восьмерку – число верховного бога Инешкипаза), резьбе по дереву, ритуалах троекратного благословения [1].

Предметно-вещевой комплекс древней мордвы с его внутренней духовной содержательностью и сакральной значимостью, созданный многими поколениями, является опорной точкой изучения исторических процессов.

Исследователи культуры мордовского народа отмечают использование им пиктографических знаков. В. Н. Мартянов так объясняет происхождение многих орнаментальных знаков, очертаний антропоморфных фигур, сюжетов резьбы на эрямо паре: они возникали в результате религиозно-магических обрядов, сопровождавших свадебный процесс, воплощали различные моменты хозяйственной и трудовой деятельности, отражали правовые и социальные нормы жизни общества [5].

На полевых фотоматериалах, собранных в эрзянских населенных пунктах Республики Мордовия (с. Подлесная Тавла, Напольная Тавла, Новая Пырма, Дубенки) и Лукояновского района Нижегородской области (с. Шандрово, Салдаманово, Атингеево, д. Крапивки), можно наблюдать стилевое многообразие орнамента на парях, хотя встречаются повторения узоров и пиктографических элементов. Нельзя не отметить мастерство резчиков, нанесших линии, зигзаги, треугольники, солярные знаки. В них отражены времена года, зооморфные и антропоморфные мотивы, переплетающиеся с солярными знаками. В отдаленных друг от друга селах использо-

вали собственные композиционные построения и орнаментальные элементы, хотя неизменно располагали их в верхней части «паря». Этот факт убеждает нас в существовании общности взглядов на мироустройство и сходства в исполнении свадебного ритуала у эрзян.

У любого народа найдется предмет, который отмечен в культурных традициях как этноопределяющий. Его функция связана с бытовым предназначением, но внутреннее содержание наполнено символами, священными для этноса.

Интересно, что начертание резных фигур на парях в селах Лукояновского района сходно с формой женских нагрудных украшений типа подвесок и застежки сюлгамо. Справедливы предположения исследователей о том, что «они символизируют пожелания новобрачным, как подарок к свадьбе, иметь детей. Иногда вместо антропоморфных фигур можно увидеть изображения снопов, которые наряду с кругами над полосой и горизонтальными елочками вполне могут символизировать пожелания счастья, богатства, плодородия» [4, 12].

Преобразование различных украшений и предметов труда в орнаментальный мотив на парях – процесс очень длительный и в большинстве случаев не поддающийся датировке. На наших материалах можно констатировать только такой факт: древнемордовские украшения, антропоморфные фигуры и предметы труда в виде орнаментального раппорта присутствуют на парях в XIX–XX вв.

В некоторых узорных элементах отдельные исследователи усматривают древние знаки собственности, или родовые знаки. Наблюдается сходство таких простых изображений, как кресты, а также узоры, состоящие из двух рядов зигзагов, треугольников вершинами вниз, из рядов елочек, в орнаментации паря с тамгообразными знаками. Это

позволяет заключить, что начертания некоторых из них были заимствованы и включены в узорный ряд из родовых знаков. Возможно, в пиктографическом орнаменте встречаются и зашифрованные изображения родового знака, вписанные в общий узорный ряд. Однако собранный нами материал убеждает в том, что мордва не ставила на парях знак собственности (тамгу, мету, знамя и т. п.) отдельно от орнамента. Вероятно, это связано с тем, что эрямо парь считался непреложной собственностью женщины и передавался в наследство по материнской линии.

В качестве вывода отметим, что отражение в мордовском орнаменте на парях знаково-символических форм находится в прямой зависимости от мировоззрения и миропонимания народа. Формирование орнамента и в целом знаково-символическая система берет начало в далеком прошлом – родоплеменном укладе. Своеобразие художественной культуры этноса в полной мере отразилось в вещевом комплексе крестьянского быта. Многие сакральные предметы стали этноопределяющим компонентом мордовской культуры.

Поступила 20.12.2013

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Аношкин, Н. И.* Магия чисел в жизни эрзян // Эрзянь мастор. – 2002. – 26 июля.
2. *Воронов, В. С.* О крестьянском искусстве : избр. тр. / В. С. Воронов. – М. : Сов. художник, 1972. – 350 с.
3. *Евсеев, М. Е.* Историко-этнографические исследования // Избр. тр. В 5 т. – Саранск, 1966. – С. 354–355.
4. *Мартьянов, В. Н.* Памятники прикладного искусства / В. Н. Мартьянов. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1971. – 124 с.
5. *Мартьянов, В. Н.* Пиктографические изображения на парях – свадебных сундуках мордвы Горьковской области // Материалы по археологии и этнографии Мордовии : Тр., вып. 48. – Саранск, 1975. – С. 138–157.
6. *Мокшин, Н. Ф.* Материальная культура мордвы / Н. Ф. Мокшин. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 2002. – 208 с.